

Юньтин, казалось, ничуть не испугался ледяного взгляда Минхуэя. Его круглые глаза, только что расширенные от испуга, быстро вновь превратились в полумесяцы. Он подошел, поднял с пола медную монету, раскрыл ладонь и, склонив голову набок с самым невинным видом, протянул её Минхуэю. Голос его звучал мягко:

— Учитель, вы монету уронили.

Минхуэй не взял её. Вглядевшись в ученика, он медленно произнес:

— Знаешь ли ты, что это гадание было сделано ради тебя?

Видя, что Минхуэй не берет монету, Юньтин сжал пальцы в кулак, пряча её в ладони, и, по-кошачьи поджав руки, посмотрел на наставника глазами, чистыми, словно озерная гладь:

— Знаю.

Минхуэй сделал паузу:

— Ты его не боишься?

— А почему я должен его бояться? — Юньтин отвлекся, пнул ногой лежащий на полу коврик для медитаций, но, поймав на себе острый, как нож, взгляд Минхуэя, тут же отдернул ногу. В его глазах и улыбке светилась такая живая, искрящаяся радость: — Ученик любит его.

На бесстрастном лице Минхуэя наконец дрогнула тень эмоции. словно усмехнувшись, он протянул руку и погладил Юньтина по голове:

— А знаешь ли ты, что значит любить?

Юньтин послушно замер под его рукой, широко распахнул свои похожие на виноградины глаза и серьезно кивнул:

— М-м... это как любить учителя и младших братьев?

В конце фразы голос Юньтина слегка дрогнул, в нем проскользнула неуверенность, которой он сам, похоже, не ожидал.

Минхуэй вздохнул, больше ничего не сказал и взмахнул рукавом. В воздухе тут же возникло видение.

Там, в густом тумане, словно за пеленой облаков, Юньтин увидел чистую, сияющую, как Млечный Путь, реку. На берегу, заложив руки за спину, стоял мужчина в синих одеждах с высоким хвостом. Его статная фигура и благородный профиль были безупречны. Он с улыбкой наблюдал за русалом, который полоскал хвост в воде.

Черты лица русала были до боли похожи на черты самого Юньтина — красота, в которой невозможно было различить пол. Его лицо, мокрое от брызг, светилось чистым, искренним счастьем; он запрокидывал голову, глядя на мужчину в синем, и улыбался невероятно нежно.

Но в следующее мгновение идиллия была нарушена. Стрела, объятая демоническим пламенем, вонзилась в воды реки Бучжоу, и та вспыхнула, превратившись в море огня. Пламя, охватившее тысячи ли, пожирало всё на своем пути. В видении бушевала битва между бессмертными и демонами, и даже сквозь магический экран чувствовались жар и ужас происходящего. Вскоре всё заволочло черным дымом и кровью. Тот самый мужчина в синем был уже в доспехах, его взгляд — острым, как клинок. Он сразил нескольких демонов, но был предательски ранен в спину. В его груди зияла огромная дыра, из которой толчками вытекала кровь.

Весь в крови, он перебил преграждавших путь демонов и, шатаясь, бросился к реке Бучжоу, но увидел лишь, как маленького русала, который прежде так ласково ему улыбался, распороли на части. Его грудь была пуста — сердце вырвали силой. Даже его бледно-золотистый хвост потускнел, а остекленевшие глаза навеки застыли, глядя в пустоту.

Мужчина в синем опустился на колени, прижал его к себе и издал полный муки крик, захлебываясь слезами. Обезумев от горя, он перебил всех демонов, но, впад в состояние искажения ци, обрушил гору Цзимин. Зеркало Воды и Неба на границе миров треснуло, и воды реки Бучжоу хлынули в мир людей, натворив бед.

Разгневанный Небесный Император лишил его статуса бессмертного, вырвал кости бессмертия и низверг в мир смертных.

Перед тем как лишиться костей, он похитил величайшее сокровище небес — Стекло Сердце, обнял тело русала и прыгнул со скалы Очищения Души. Его дух неведомым образом рассеялся за пределами Трех Миров, а Стекло Сердце слилось с русалом и переродилось в мире людей.

Дух мужчины исчез, оставив лишь плоть для перерождения, но в неё случайно вселился пришлый человек. Этот самозванец, нося лицо того самого воина, встретил переродившегося русала и, живя с ним бок о бок, исполнился жадности, возжелав забрать Стекло Сердце.

В процессе слияния с Сердцем русал обрел способность поворачивать время вспять. В ярости он высвободил свою мощь, что привело к откату времени и изгнанию пришельца из тела воина.

Однако из-за нарушения небесных законов и самовольного обращения времени вспять русал лишился части души. Его разум стал подобен разуму младенца, а сам он переродился на несколько сотен лет раньше. Воспоминания о прошлых жизнях стерлись, но в снах его вечно преследовали обрывки прошлого. Внутренние демоны мешали совершенствованию вплоть до сегодняшнего дня.

Когда видение рассеялось, Юньтин чувствовал себя так, будто прожил целую жизнь. Спустя долгое время он пришел в себя и неуверенно произнес:

— Учитель, это...

— Этот русал — ты, — Минхуэй встретился с ним взглядом. — С момента своего рождения ты день и ночь охранял реку Бучжоу, но погиб в той великой битве. Воин Цинхуай, чтобы спасти тебя, не побоялся совершить тяжкий грех. С тех пор на Камне Трех Жизней были высечены ваши имена. Пройдя через три воплощения, ты должен вернуть этот любовный долг, иначе навеки сгинешь в пучине страданий.

— Сейчас дух Цинхуая вновь явился в мир, переродившись в Ши Сюньлюя. Это его третья жизнь.

Юньтин испугался и встревоженно спросил:

— Учитель, как же мне его вернуть?

Минхуэй бесстрастно ответил:

— Умереть.

Юньтин:

— ...

Минхуэй взмахнул широким рукавом, собирая остатки видения, и, медленно сев на главное место, сменил тон. Закрыв глаза, он произнес:

— За эти столетия гора Цзимин рухнула, разбив Зеркало Воды и Неба, и воды Бучжоу затопили мир людей. Небеса бессильны, человечество страдает от наводнений. Я решил спуститься с горы, чтобы найти решение. Если я погибну — значит, такова судьба. За тысячу лет пути совершенствования я не совершил зла ни пред небом, ни пред землей. И лишь одно не дает мне покоя перед тем, как моя душа рассеется — ты.

Глаза Юньтина наполнились слезами. Он припал к коленям Минхуэя и жалобно прошептал:

— Учитель...

Минхуэй с отеческой нежностью погладил его по голове и тихо добавил:

— С древних времен говорят: легко пройти через море драконов, но трудно преодолеть узы чувств. Ши Сюньлюй для тебя — испытание, где шансы на выживание ничтожны. Этот долг... отдашь его — умрешь, не отдашь — тоже умрешь. Ты в ловушке. Всё зависит от того, как ты поступишь, чтобы найти путь к жизни среди девяти смертей.

— Я дам тебе лишь один совет, — Минхуэй ткнул пальцем в грудь Юньтина, говоря многозначительно: — Береги свое сердце. Ни в коем случае не привязывайся к нему чувствами. Понимаешь?

Юньтин серьезно кивнул, сжал кулаки, и в его глазах вспыхнула решимость:

— Не беспокойтесь, учитель, ученик ни за что не полюбит его.

Минхуэй удовлетворенно кивнул, похлопал его по голове, достал печать главы ордена и вложил ему в руки. Вздыхнув, он сказал:

— Иди. Уйдет он или останется — теперь зависит только от тебя.

Юньтин замер, долго глядя на печать в своих руках. Поджав губы, он молча спрятал её в рукав, поднялся с колен и отвесил Минхуэю глубокий поклон.

Неизвестно почему, но Минхуэю показалось, что, увидев свое прошлое, Юньтин вмиг повзрослел. Его взгляд, чистый и темный, теперь был полон твердости:

— Учитель, раз это испытание, то я встречу его и преодолею. Тот, кто идет путем Дао, изначально идет против воли небес, так что бояться мне нечего.

Юньтин помедлил, а затем с достоинством поклонился до земли:

— А каков будет результат — пусть решит судьба. Даже если в конце меня ждет смерть, я ни о чем не пожалею.

Минхуэй пристально посмотрел на него, тяжело вздохнул и спустя мгновение махнул рукой, отпуская его.

Юньтин снова поклонился и вышел. Прямо перед дверью он столкнулся с Цинъянем и Цинчжи. Как только Юньтин увидел Цинъяня, вся его печаль мгновенно испарилась. Он, приподняв подол юбки, бросился к нему, сияя глазами:

— Младший брат!

Его характер, если выражаться мягко, был простодушным, а если грубо — беспечным. Только что он видел свое трагическое прошлое, а теперь, словно ничего не случилось, под убийственным взглядом Цинчжи, с детским восторгом бросился в объятия Цинъяня.

Цинъянь замер, беспомощно обнял его и, пока Юньтин терся щекой о его плечо, ловко снял с него вуаль. Голос его звучал мягко:

— Старший брат, так быстро завершил затворничество?

Юньтин почесал щеку и кивнул:

— Учитель сказал, что пришло мое испытание чувств. Этот выход из затворничества — путь, где шансы на выживание ничтожны.

Он говорил об этом так спокойно, без тени страха, словно рассказывал о ком-то другом. Это заставило даже яростного Цинчжи удивленно взглянуть на него. Цинчжи отстраненно переспросил:

— Испытание чувств?

Юньтин, словно только сейчас заметив, что рядом кто-то есть, насторожился. Он потянул Цинъяня назад и уставился на Цинчжи:

— Ты кто?

Цинъянь взглянул на их сцепленные руки, почувствовал неловкость и, встретившись взглядом с таким же смущенным Цинчжи, негромко произнес:

— Старший брат... э-э... это мой спутник на пути Дао.

Юньтин:

— ...

Даже такой простак, как Юньтин, знал, что чужих спутников трогать нельзя. Услышав это, он на мгновение застыл, а затем, словно ошпаренный, отдернул руку, отскочил на пару шагов, а потом, поколебавшись, подошел и начал осторожно подталкивать Цинчжи в объятия Цинъяня.

Закончив, он довольно хлопнул в ладоши, встал рядом, подбоченившись, и одобрительно кивнул:

— Отлично, очень хорошо.

Он сложил руки в приветственном жесте и улыбнулся, как счастливый кот:

— Старший брат желает вам гармонии, чтобы вы были неразлучны, как клей и лак, и... да, еще скорейшего рождения детей!

Цинъянь подумал, что отсутствие образования — страшная вещь, и зря он на уроках вечно спал. На его лице отразилось бессилие:

— ...Старший брат, Цинчжи — мужчина, он не может родить.

Цинчжи молча кивнул рядом.

Юньтин ударил кулаком по ладони и серьезно сказал:

— Что же тут сложного? Если вы, супруги, хотите детей, я, даже если придется выложиться до последнего вздоха, украду для вас Плод Беременности с Вершины Западных Небес... м-м-м...

Цинъянь зажал ему рот рукой и втолкнул в коридор, бледнея от стыда:

— Довольно, старший брат, не говори ерунды. Тебя там снаружи ждут.

Сказав это, Цинъянь вытолкал Юньтина за дверь и с грохотом захлопнул её.

Юньтин чуть не прищемил пальцы:

— ...

Он надулся, как котенок, сердито поскреб когтями по двери и, хмыкнув, поплелся переодеваться.

Как только дверь закрылась, губы Цинъяня накрыло тепло. Он вздрогнул, обнял Цинчжи за талию и ответил на долгий, успокаивающий поцелуй. Однако тот, кого он обнимал, словно из ревности, прижал его к стене и начал кусать, будто не мог насытиться.

Видя, что дело принимает недвусмысленный оборот, Цинъянь тяжело дыша, ущипнул Цинчжи за бок, отчего тот обмяк и, затихнув, прижался к его груди.

Цинъянь, видя, что Цинчжи всё еще недоволен, усмехнулся, поцеловал его в лоб и тихо объяснил:

— ...Старший брат разумом еще как ребенок, не ревнуй, ладно?

Цинчжи ответил коротким звуком, но, всё еще находясь в его объятиях, холодно и требовательно добавил:

— Тогда поцелуй меня еще раз.

Цинъянь послушно приподнял его подбородок и снова прильнул к губам, невнятно пробормотав:

— Открой рот.

Юньтин снаружи долго искал запасную одежду старейшины, но никак не мог справиться с головным убором. Он нервно тербил пальцы, а потом, решив попросить помощи у Цинъяня, который всегда помогал ему с прической, нерешительно подошел к двери и приоткрыл щелку:

— Младший брат...

Цинъянь и Цинчжи целовались у самой двери. Внезапный стук заставил их вздрогнуть, Цинъянь чуть не прикусил язык Цинчжи. В этот момент Минхуэй, закончив медитацию, вышел из внутренних покоев и увидел, как Юньтин подглядывает в щелку, с огромным любопытством наблюдая за тем, как Цинчжи и Цинъянь занимаются непотребством. Лицо наставника

потемнело:

— ...

Юньтин в панике закрыл лицо руками, но продолжал подглядывать через пальцы, издавая странные звуки:

— И-и...

Ши Сюньлюй, отдохнув, подошел с другой стороны. Увидев спину Юньтина, он показался ему до боли знакомым. Он тихо подошел, желая посмотреть, что происходит, но взгляд его случайно упал на Циньяня и Цинчжи. На его лице расплылась такая же насмешливая улыбка:

— Ой-ой...

Циньянь:

— ...

Цинчжи:

— ...

Их лица вспыхнули от стыда.

<http://bllate.org/book/19526/1914580>